

Религиоведение. 2019. № 4
Religiovedenie [Study of Religion]. 2019. No. 4

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.4.55-64

Хаймурзина М.А.

*Амурский государственный университет
670027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
mfazizova@yandex.ru*

Гражданская религия: феномен США и перспективы КНР

Аннотация. Концепция гражданской религии сегодня приобретает большое значение для китайского социума. Конфуцианство выступает предметом активных дискуссий о гражданской религии в КНР. Конфуцианская традиция лежит в основе базовых идентификаций китайского общества, является «точкой опоры» для будущих преобразований и модернизаций. Несмотря на антиконфуцианские кампании XX в., конфуцианство сохранилось на уровне человеческих отношений и в образе жизни китайцев. Именно в плоскости нравственности заключаются перспективы формирования китайской гражданской религии, поскольку гражданская религия существует в нормах поведения, привычках и в моральном сознании людей. Учитывая особенности конфуцианской религиозности, в китайской гражданской религии сакральность социального единения людей заключается в «сверхгуманистической» природе ценностей и долге каждого ответить на призыв трансцендентного (Неба). А построение гражданского общества в Китае на основе традиционных конфуцианских концепций не только обеспечивает преемственность поколений и легитимность политической власти, но и может быть рассмотрена в качестве трансцендентной цели всех политических процессов.

Ключевые слова: гражданская религия, конфуцианство, конфуцианская религиозность, конфуцианская гражданская религия, Китай

Marina A. Khaimurzina

*Amur State University
21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russia, 675027
mfazizova@yandex.ru*

Civil Religion: USA Phenomenon and China's Prospects

Abstract. The concept of civil religion today acquires great significance for Chinese society. Confucianism is the subject of active discussions about the civil religion in China. Confucianism underlies the basic identities of Chinese society, it's the core for future transformations and upgrades. Despite the anti-Confucian campaigns of the twentieth century, Confucianism is alive at the level of human relations and in the way of life of the Chinese. The prospects for the formation of the Chinese civil religion are in the plane of personal ethics and morality. Civil religion exists in the norms of behavior, habits and moral consciousness of people. Taking into account the characteristics of Confucian religiosity, in Chinese civil religion the sacrality of the social unity of the people is based on the "superhumanistic" nature of values and duty of everyone to respond to the call of the transcendent (Heaven). Building civil society in China, based on traditional Confucian concepts, not only ensures the continuity of generations and the legitimacy of political power, but can also be seen as the transcendent goal of all political processes.

Key words: civil religion, Confucianism, Confucian religiousness, Confucian civil religion, China

Введение. Теоретические аспекты проблемы

Построение гражданского общества, когда каждый осознаёт ценность социума и свою роль в нём, тесно связано с областью культуры, включающей комплекс исторических традиций, структур и явлений, – например, религию, семью, моральные ценности, этическое сознание. Эти культурные феномены трансформируются, но очень медленно и представляют собой своего рода «точку опоры» для развития человека и общества. Так, в современном мире общественная и политическая сферы подвержены влиянию религиозных и культурных традиций, поскольку представляют собой тот фактор, который способен дать народу полную общность интересов, чувств и мыслей [Лебон, 2018, 92–94].

Концепция гражданской религии, ставшая популярной во второй половине XX в. и определившая религиозное измерение политической и гражданской жизни американского общества, сегодня приобретает важное значение и для китайского социума. Перспективы формирования гражданской религии в Поднебесной заключаются в особенностях историко-культурного наследия страны и современном поиске путей духовно-символического единения граждан в рамках единого государства.

Гражданская религия – понятие неоднозначное, требующее тщательного рассмотрения и обращения к его истокам с целью приложения к реалиям социума.

В современных англоязычных энциклопедиях указывается, что понятию «гражданская религия» предшествовало понятие «религия города». Например, в книге «Древний город» (1873) французского историка Фюстеля де Куланжа и «Идея города» (1976) британского историка Рикверта Джосефа описываются религии, связанные с городами-государствами в Греции и Римской империи, отмечается их сакральная символичность, ритуальность основания того или иного сообщества. Слово *religion*, согласно этим исследованиям, связано с двумя латинскими словами – *religio* и *religare*. Первое имеет смысл «уважительное отношение к предкам/богам», второе подразумевает специфическую связь, единение, т.е. идентификацию с определённым сообществом. Кроме того, со вторым латинским словом обязательно связан миф основания предками/богами важных реалий человеческого бытия [Stewart, 2005].

О принципах гражданской религии упоминал французский мыслитель Ж-Ж. Руссо в книге «Общественный договор» (1762), где он описывает религию гражданина, подчёркивая в ней «сакрализованную связь социального порядка с государственными законами». У гражданской религии «свои догматы, свои ритуалы, свой внешний культ, предписываемый законами», – указывает Руссо. Эта религия учит граждан, что «служить Государству – это значит служить богу-покровителю». У религии гражданина есть основные положения: существование бога, грядущая жизнь, награда за добродетель, наказание порока и исключение религиозной нетерпимости [Руссо, 1938, 115–121]. Позже идея гражданской религии, особой связи человека и общества развивалась в работах французского социолога религии Э. Дюркгейма и других исследователей¹.

Широкую известность концепция гражданской религии получила во второй половине XX в. благодаря американскому социологу Р. Белла, считавшего, что «трансцендентные силы существуют для того, чтобы судить и оценивать политические процессы американского народа» [Stewart, 2005]. Известно, что за прошедшие десятилетия взгляды Р. Белла на гражданскую религию в США эволюционировали, однако основной смысл, первоначально вложенный им в данное понятие, остался неизменным. Сегодня его толкование гражданской религии является «образцовым», применяемым по отношению к другим странам.

Основная идея Р. Белла заключалась в следующем: «Всем американцам в их религиозной ориентации присущи общие элементы, которые играют важную роль в развитии американской институционализации и привносят в американскую жизнь (включая политику) религиозное измерение. Общественное религиозное измерение выражается в системе веры, символах и ритуалах, которые я называю американской гражданской религией. Инаугурация президента – одно из важнейших церемониальных событий этой религии. Она подтверждает, кроме всего прочего, религиозную легитимность высшей политической власти» [цит. по: Sebastien Billioud, 2016, 57].

Представления о гражданской религии имеют общие точки соприкосновения с трактовками понятий «светская религия», «псевдорелигия», «квазирелигия». Истоки проблемы содержания и соотношения этих понятий восходят к концепциям Й. Ваха, П. Тиллиха, Н. Смарта и ряда других теоретиков религиоведения второй половины XX в. [Забияко, 2008; Козлова, 2018]. В современных исследованиях развиваются представления о гражданской религии и её соотношении с другими модификациями религии. Религиозная ситуация в США по-прежнему даёт этой теме достаточный объём материала. Религиозные реалии Китая тоже могут дать немало для понимания как общих признаков гражданской религии, так и её социокультурной локальной специфики.

Гражданская религия США

Р. Белла проанализировал «американский образ жизни» и выявил наличие гражданской религии в США, которая, согласно его точке зрения, является религией и заслуживает тщательного изучения. Американская гражданская религия берёт своё начало со времён «отцов-основателей», активно формируется и наполняется определёнными символами и концепциями в XVIII–XIX вв., в период гражданских войн и иных испытаний американской государственности.

Постепенно складываются определённые символы американской гражданской религии, активизирующие национальную солидарность и глубокую личную мотивацию в контексте достижения национальных целей. Так, складывается символический ритуальный календарь, знаменующий важные события в американской истории. Самые значимые и религиозные – День памяти (поминовения) и День благодарения (и общественной молитвы). День памяти (поминовения), появившийся вследствие Гражданской войны, означает связь с погибшими и духом жертвенности, интегрирует местное сообщество в национальный культ. Символическое проведение мероприятий, посвящённых этому дню, осуществляется разными ассоциациями и организациями в разное время в течение года. День благодарения (и общественной молитвы) учреждён президентом Линкольном и служит для интеграции каждой семьи в гражданскую религию. Менее религиозные праздники – День независимости США, День ветеранов, День рождения Вашингтона, День рождения Линкольна и др. [Религия, 1996; Белла, 2014]. Подчеркнём, что система общественных школ является важным звеном в культовом праздновании этих гражданских ритуалов [Задорожнюк, 2007б].

Для американской гражданской религии характерны определённые символические ритуальные места: национальные кладбища (например, Геттисбергское), монументы Вашингтона и Линкольна и др. Культовая символика гражданской религии включает, например, Геттисбергское обращение А. Линкольна, которое расценивается в качестве гражданского священного писания, с символическим уподоблением Линкольна Иисусу, Декларацию независимости, американский флаг, государственные гимны и др. [Задорожнюк, 2007а, 56–70; Белла, 2014]. Конечно, американская гражданская религия к настоящему времени претерпела различные трансформации и искажения, определяя сегодня священное измерение всех войн, ведомых США и в США, «богоизбранность» американской нации, особенности сформировавшейся «веры в Америку».

Феномен гражданской религии, или феномен «веры в Америку», представляет собой явление, связанное с религией, идеологией и общественной моралью, и ставшее результатом американизации религии. Этот процесс заключался в том, что групповые религии становились индивидуализированными (католики), а протестанты-индивидуалисты объединялись в агентства, аналогичные Национальному совету церкви Христа и т.п., сообразуясь с условиями жизни США и доминирующими там секулярными ценностями. В плоскости этих ценностей происходило формирование гражданской религии. Заслугой гражданской религии стало облачение секулярных ценностей в религиозную форму с акцентом на важность и значимость национальных идей, пронизывающих национальную историю. Интересен тот факт, что «вера в Америку» как основа гражданской религии выражается и представителями власти, и рядовыми гражданами, и «слугами божьими» – священниками. Священники в США нередко используют в своих проповедях тему благословляемой богом свободы и справедливости, как будто бы наличествующей лишь в США [Задорожнюк, 2008, 63–64].

Система культа в гражданской религии, естественно, отличается от культов традиционных религий. Авторитетом Всевышнего освящаются политические процедуры, придаётся религиозный смысл чисто гражданским церемониям.

Анализируя американскую гражданскую религию, необходимо учитывать две её важные особенности: «неслиянность» ни с одной из существующих традиционных религий и «нераздельность» с государством [Легойда, http://www.religare.ru/2_1555.html].

Гражданская религия в США существует независимо от всех церквей. Она не представляет собой альтернативу традиционным конфессиям, она сосуществует с другими религиозными верованиями. В традиционных религиях человек ищет личного спасения, поэтому традиционные религии определяют его частную жизнь. В гражданской религии человек получает смысл своего существования в социуме и смысл существования самого социума, так как гражданская религия существует на общественном уровне. Такое «разделение полномочий» объясняется изначальной многоконфессиональностью американского общества [Легойда, http://www.religare.ru/2_1555.html].

Данную особенность ярко демонстрирует институт президентства США. В торжественных речах президентов всегда присутствуют отсылки к богу, в этом проявляются и ритуал, и глубинные ценности. Так, в инаугурационной речи Кеннеди слово «бог» использовано трижды. Важно, что Кеннеди не упоминает никакой конкретной религии. Только понятие «бог», которое все американцы могут принять и которое предполагает разные смыслы для разных людей. Президент Кеннеди, будучи христианином-католиком, не сделал отсылки к своему богу, поскольку, с одной стороны, его личная вера не касается его государственных обязанностей и государственных вопросов, а с другой стороны, люди с иными религиозными верованиями являются равноправными участниками политических процессов в стране. Таким образом, религиозная сфера – это частная сфера, личное дело каждого, она отделена от сферы политической [Белла, 2014, 166].

В своей речи Кеннеди клянётся перед людьми и перед богом охранять Конституцию. Так как «права человека исходят не от великодушия государства, но от руки Божией», а «независимость народа, предоставляется законом природы и её Творцом». Воля народа, проявляющаяся большинством голосов, является источником политической власти. Однако воля народа не является критерием правильности или неправильности. Люди могут ошибаться. Есть более высокий критерий – воля божья. Именно в этом смысле используется девиз «на бога уповаем» и включение слов «под богом» в клятву верности флагу [Белла, 2014, 167].

Американские президенты обращаются к богу как «Всемогущему», «Верховному судье», «Творцу», «Правителю Вселенной», «Провидению», «Небесам», «Всемогущему, чья власть регулирует судьбы народов» и т.п.² Обращение к богу и идея бога лежат глубоко в американской традиции. В большей степени эта идея связана с обязательствами как на коллективном, так и на индивидуальном уровне исполнять волю бога. Это было мотивацией ещё с основания США. Обращение президентов к богу в торжественных речах есть выражение фундаментального религиозного долга. Более того, в этом проявляется не только религиозное измерение политической жизни, но и трансцендентная цель всего политического процесса – «здесь, на земле, Божья работа должна быть нашей работой» [Белла, 2014, 170–171].

Вторая особенность американской гражданской религии – «нераздельность» с государством. Гражданская религия представляет собой сакральное измерение американской нации и всех политических процессов, а идея уникальности государства и его особенной роли в американской и мировой истории является следствием этого религиозно-символического самовыражения и питается исключительно им. Если исчезнет эта духовная составляющая гражданской религии, если у американской нации пропадёт понимание ответственности перед богом, то перестанет существовать и сама гражданская религия, и вера в государство. Более того, гражданская религия в США социально не дифференцирована, но хорошо институционализована: её функции выполняют государственные политические институты, и в этом смысле она соединена, т.е. «нераздельна» с государством [Легойда, http://www.religare.ru/2_1555.html].

Гражданская религия в КНР

Китай – поликультурное, многонациональное, многоконфессиональное государство. Это, с одной стороны, создаёт определённые сложности в реализации идеи гражданской религии, так как для её построения важна общность ценностей, символов и убеждений, с другой стороны, конфуцианство нередко называют общим культурным наследием Китая, полагая, что разделяемые большинством китайцев ценности – конфуцианские. В силу фундаментальной связи конфуцианского учения с основами китайского общества конфуцианство предстаёт в качестве предмета активных дискуссий о гражданской религии в КНР.

Именно в конфуцианстве можно найти те ресурсы, которые являются ориентирами для всех китайцев: например, святые (Яо, Шунь и т.п.), сакральные места (храмы), ритуалы (по отношению к Небу и предкам), эти истоки выступают ядром китайской культуры и потому обеспечивают базовый символический уровень гражданской религии [Чэнь Мин, 2009, 47–55].

Конфуцианство традиционно сосуществует с другими религиями, поэтому оно в качестве гражданской религии не потребует отбраковки других религиозных верований. Конфуцианство не является официальной религией КНР, однако признана его религиозная составляющая, а также соответствующие социальные функции и роли³.

Исторически сложилось так, что в конфуцианстве нет института церкви и священнослужителей. В традиционном Китае оно было институционализировано в рамках общественно-политического устройства. Император, чиновники и всё общество (прежде всего главы семей и патронимий) выполняли функции священнослужителей. Конфуцианство, как неорганизованная религия или квазирелигия, было соединено со светской формой устройства социальной жизни. Такое соединение определило иерархичность религиозных прав и ролей – от императора до главы семейства каждый выполнял свои определённые ритуалы и обязанности. Государь – это не только политически самая важная фигура, но и наставник (мудрец), а в качестве сына Неба – исполнитель самого значимого жертвоприношения Небу. Чиновники также являлись исполнителями жертвоприношений, но по важности менее значимых, чем жертвоприношения Небу. Простые люди осуществляли жертвоприношения собственным духам предков [Ли Шэнь, 2000а, 345–347; Ли Шэнь, 2000б, 389–390; Чэнь Мин, 2009, 74].

Такая интеграция конфуцианства с социумом способствовала формированию особенностей менталитета китайцев, уклада и образа их жизни. Важным наследием традиционного конфуцианства являются символы, принципы и ценности, ставшие уже «обычаем сердца», и формирующие отношение к семье, работе, образованию и другим элементам повседневной жизни, наделяемым особым значением и важностью. Подчеркнём, что именно в плоскости личной этики и нравственности реально воплощение идеи гражданской религии. Несмотря на антиконфуцианские кампании XX в., конфуцианство живёт на уровне человеческих взаимоотношений и образа жизни китайцев, в этом потенциал развития гражданской религии. Укажем важные моменты.

Ценности определяют поведенческую модель, роль и значение каждого в социуме. Согласно конфуцианским представлениям, человек – это центр сети взаимоотношений, его реализация немислима без коллектива, под которым понимается прежде всего семья, а также другие социальные группы или общество в целом. Только внутри социальной группы человек осознаёт и проявляет себя, осмысливает суть своей жизни [Ду Вэймин, 2008, 9–11]. Более того, ценностные нормы (человеколюбие *жэнь*, справедливость *и*, благопристойность *ли*, мудрость *чжи*, сыновняя почтительность *сяо* и др.), направленные на урегулирование отношений между людьми, исполнены не только антропологическим, но и вселенским назначением становления человека в рамках семьи, общества и Неба. В конфуцианском миропонимании ценности имеют сакральную природу. Иными словами, проявляя свои моральные данные, совершенствуясь в нравственном аспекте, человек отвечает на призыв Неба, исполняет волю Неба и воссоединяется с Небом.

Действительно, конфуцианство обладает ресурсами, которые на первый взгляд имеют исключительно этическую нагрузку, однако они способны удовлетворить

духовные потребности человека и определить религиозное измерение его повседневной жизни. Например, конфуцианская двойная истина *аньшэнь лимин* постулирует духовное развитие человека в реальной жизни: «препорушение себя небесному Пути», «следование небесному велению» через самоличное «осознание и совершенствование [индивидуальной] природы», следование моральным истинам и нравственное совершенствование. Тогда, согласно основной сути концепции, достигается соединение двух сторон – духовного умиротворения и удовлетворения мирской жизнью [Хаймурзина, 2013]. В конфуцианстве всё земное наделено религиозным значением, в этом заключается суть конфуцианской религиозной духовности. «То, что мы делаем как обычные граждане в пределах границ наших частных домов, социально и политически важно, и то, что мы делаем как общественные служащие, выполняющие свою роль и функции в светском мире, – всё это существенно важно в контексте конфуцианской религиозности, в этом состоит глубокая забота конфуцианства о «светском как о святом» [Tu Weiming, 1989, 95].

Существует мнение, что конфуцианская религиозность очень тонка. Она не может претворяться в жизнь в рамках профессиональных групп, церквей, так как конфуцианство не является организованной религией. Конфуцианская религиозность может развиваться меньшинством (небольшими группами) и потом распространиться в обществе. В таком неформальном пути развития конфуцианской религиозности заключается трудность её распространения. Однако сегодня для многих конфуцианство становится духовным ориентиром: это могут быть небольшие группы людей (конфуцианские школы, например), открыто идентифицирующие себя с конфуцианством, а также синкретические группы (буддийские организации), пропагандирующие элементы конфуцианской религиозности. Кроме того, конфуцианская классика сегодня продвигается в школах и высших учебных заведениях. Конфуцианство реанимируется, хотя не в полной мере и пока только в виде отдельных экспериментов. Важно, что «конфуцианские клетки» постепенно укореняются в современном китайском обществе. Сегодня много этому способствует: доступ к конфуцианской классике, отсутствие барьеров для воспитания традиционной культуры (для сравнения: религиозное обращение в веру – запрещено) [Billioud, 2016].

Принимая во внимание особенности конфуцианской религиозности, в китайском варианте гражданской религии религиозная роль человека и общества предстаёт нам «сверхгуманистической», когда каждый должен развить свои моральные данные до сверхгуманистического – религиозного уровня⁴. В этом, согласно конфуцианским воззрениям, проявляется сакральный долг и обязанность человека и всего общества как связующего звена между Небом и Землёй.

Хотя конфуцианская истина *аньшэнь лимин* и другие концепции не были источником духовного умиротворения для всех, однако всё меняется, возможно, и эта ситуация изменится. Тонкая конфуцианская религиозность способна избавлять от ошибок в реальной жизни как обычного человека, так и политического деятеля. Социальный субъект (гражданин) современного китайского общества ещё формируется. В гражданском обществе, являющем своего рода социальный идеал «гармоничного общества», человек руководствуется чувством ответственности, определяемым этическими нормами. Для Китая традиционно характерны прочные внутрисемейные связи, которые представляют собой защитный механизм и «точку опоры» человека. Несмотря на культурный кризис XX в.⁵, осознание важности семейного долга сегодня стало сильнее. В отличие от семейственности гражданское чувство развито ещё слабо. Процесс формирования гражданского сознания и гражданской ответственности только начался, основы конфуцианской гражданской религии закладываются сегодня.

Политический ресурс потенциальной гражданской религии в Китае обусловлен исторически и культурно. Конфуцианство традиционно связано с политической сферой. Оно определяло религиозные обязательства и роль императора как Сына Неба. Согласно конфуцианской концепции «мандата Неба» (*тянь мин*), Ван, император, являлся единственным легитимным посредником между Небом, Землёй и всем социумом, он осуществлял сакральную связь с главным божеством-предком – Небом, которое в свою очередь оценивало его деятельность и выносило своё веление (повеление) – *мин* [Ткаченко, 2006].

Император, выступающий представителем воли народа в акте ритуальных действий, должен был следовать *Дао-пути* и обладать сакральной благой силой *дэ*, которая не только обеспечивала связь монарха с трансцендентным Небом, но и предполагала распространение гуманности и добродетели среди народа. Император (и другие сановники) должен был являть собой пример совершенного нравственного поведения, он должен был быть *цзюньцзы* – идеальным с точки зрения нравственности [Переломов, 2009б; Мартынов, 2009]. Поэтому управление народом посредством благопристойности *ли*, человеколюбия *жэнь*, гармонии *хэ* и других концепций имело не только светское значение, но и сакральное измерение.

Традиционные представления о роли и значении верховной власти являются воплощением утопической «идеальной древности». Всё, о чём говорил Конфуций, его ученики и последователи, – архаично, но актуально во все времена и эпохи, ведь обращение к истории и традициям – это гарантия будущего развития, залог успешных трансформаций и модернизаций. Именно «идеальность» конфуцианства на протяжении тысячелетий была ресурсом политической культуры. В этой связи конфуцианство как гражданская религия призвана обеспечить легитимность политической власти, так как его символические инструменты неотделимы от власти [Чэнь Мин, 2009, 47–55].

В последние десятилетия китайской пропагандой принимаются активные меры для морального совершенствования народа, что совпадает с традиционными представлениями о роли секулярной власти как оплота нравственного воспитания. Сформулирована Программа построения гражданской нравственности (*гун минь дао дэ*), которая призвана, наряду с концепцией и *фа чжиго* (управлять страной на основании закона), привлечь концепцию и *дэ чжиго* (управлять страной на основании *дэ*, т.е. морали) для построения современного гражданского общества. Главной задачей данной Программы является «строительство гражданской морали», выступающей основой развития национального духа китайского социума [Переломов, 2009а, 213].

Сегодня очевидна тенденция к реконструкции и включению в современную политическую стратегию древней концепции *гуманного правления* – подчинение народа моральному авторитету правителя и бескорыстное служение правителя-мудреца людям. Традиционные конфуцианские концепции срединности и гармонии (*хэ*) реинтерпретируются, их современное толкование охватывает отношения между человеком и государством, между людьми, между человеком и природой, затрагивает вопросы политической стабильности, равномерности развития регионов и др. [Россия, 2006, 402].

Учитывая вышесказанное, в китайской гражданской религии трансцендентная цель политических процессов может быть определена в рамках построения конфуцианского типа гражданского общества как должного пути приобщения к «небесной (божественной) истине», что реализуется в следующем: «построение общества малого достатка (*сяокан*)», «движение к гармоничному обществу (*хэсе шэцхуй*)», «народ как основа (*минь бэнь*)», «гуманное правление (*жэнь чжэнь*)» и т.д.

Заключение

Идеология гражданской религии включает несколько основных компонентов: во-первых, общие ценности и символы, определяющие религиозно-философский и этический универсум народа, во-вторых, идею сакральности социального единения народа, которая обеспечивается символическим уровнем. Кроме того, гражданская религия не является альтернативой традиционным верованиям. Важно, что она соединена с общественно-политической системой социума и определяет сакральное измерение политической и гражданской жизни народа.

Феномен гражданской религии находит отражение в китайском сообществе, сообразуясь с его конкретными культурными и социально-политическими реалиями. Построение гражданского общества в Поднебесной идёт рука об руку с возрождением традиционной культуры, поскольку обращение к истокам – самый эффективный метод совершенствования ценностных концепций общества. Залог успешных модернизаций видится в возрождении конфуцианства.

Если рассматривать феномен гражданской религии в общем и не вдаваться в отдельные детали этого явления, присущие американским общественным реалиям,

можно констатировать, что в Китае развивается гражданская религия, основанная на конфуцианских ценностях и представлениях.

Действительно, конфуцианский дух, существующий в нормах поведения, привычках, в моральном сознании людей, предстаёт сегодня символическим выражением коллективного единения. В этом обнаруживается и реальная социополитическая потребность, и теоретическая целесообразность, когда концепции конфуцианской государственной религии, специфичности конфуцианской религии исчерпаны, и концепция гражданской религии предстаёт в качестве методологического прорыва⁶.

Библиографический список

1. Белла, Р. Гражданская религия в Америке // Вестник Русской христианской гуманитарной академии / Р. Белла; пер. с англ. С.Б. Веселовой, В.А. Егорова. – 2014. – Т. 15. – № 3. – С. 162–182.
2. Руссо, Ж-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права / Ж-Ж. Руссо. – М.: Социально-экономическое издательство, 1938. – 121 с.
3. Забияко, А.П. Теологические трактовки квазирелигий (концепции И. Ваха и П. Тиллиха) / А.П. Забияко // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд / Отв. ред. И.Т. Касавин и др. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 126–143.
4. Забияко, А.П. Понятие «религия» в трудах современных конфуцианцев / А.П. Забияко, М.А. Хаймурзина // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 1. – С. 124–133.
5. Задорожнюк, И.Е. Гражданская религия в Америке: настоятельность новых интерпретаций / И.Е. Задорожнюк // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 62–73.
6. Задорожнюк, И.Е. Гражданская религия в США, или вера в Америке: социальные функции, история и современность / И.Е. Задорожнюк. – М.: СГА, 2007. – 353 с.
7. Задорожнюк, И.Е. Гражданская религия и патриотическое воспитание в системе образования США / И.Е. Задорожнюк // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал. – 2007. – № 9. – С. 150–155.
8. Касаткин, П. Развитие концепции «американской гражданской религии» / П. Касаткин // Международные процессы. – 2016. – Том 14. – № 3. – С. 81–95.
9. Козлова, И.Л. Критерии религиозного опыта в религиоведческой концепции Иоахима Ваха / И.Л. Козлова // Религиоведение. – 2018. – № 1. – С. 103–117.
10. Лебон, Г. Психология масс / Г. Лебон. – СПб.: Питер, 2018. – 252 с.
11. Легойда, В. Гражданская религия: proetcontra / В. Легойда // Религия и СМИ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.religare.ru/2_1555.html (дата обращения 10.09.2015).
12. Мартынов, А.С. Императорская дэ как символ верховной власти / А.С. Мартынов // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Вост. лит., 2009. – Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. – С. 136–140.
13. Переломов, Л.С. Конфуцианство и легизм в политической культуре КНР / Л.С. Переломов // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Вост. лит., 2009. – Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. – С. 209–216.
14. Переломов, Л.С. Политическая культура традиционного Китая / Л.С. Переломов // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Вост. лит., 2009. – Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. – С. 110–135.
15. Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 773 с.
16. Кузык, Б.Н. Россия – Китай – 2050: стратегия соразвития / Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – 652 с.
17. Ткаченко, Г.А. Истоки и становление китайской этики / Г.А. Ткаченко // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия. – С. 130–133.
18. Хаймурзина, М.А. Новые тенденции в официальных трактовках религии в КНР / М.А. Хаймурзина // Религиоведение. – 2017. – № 1. – С. 49–55.
19. Хаймурзина, М.А. Философский анализ конфуцианской религии в творчестве Лю Шусяня / М.А. Хаймурзина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 11. – С. 194–196.
20. Хаймурзина, М.А. Конфуцианство как гражданская религия: проблемы и перспективы / М.А. Хаймурзина // Проблемы Дальнего Востока. – 2019а. – № 3. – С. 168–177.

21. Хаймурзина, М.А. Конфуцианство и христианство в контексте формирования гражданской религии в Китае / М.А. Хаймурзина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: матер. IX Международ. научно-практ. конференции. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2019б. – Вып. 9. – Ч. 6. – С. 141–147.
22. Billioud, S. The revival of Confucianism in the sphere of mores and the reactivation of the civil religion debate in China / S. Billioud // Confucianism, a habit of the heart / Ed. by Philip J. Ivanhoe, Sungmoon Kim. – USA: State University Press of New York, 2016. – P. 47–70.
23. Tu, Weiming. Centrality and commonality: an essay on Confucian religiousness / Tu Weiming. – State University press of New York Press, 1989. – 165 p.
24. Tu, Weiming. Cultural China: the periphery as the center / Tu Weiming // The living tree: the changing meaning of being Chinese today / Ed. by Tu Weiming. – Stanford University Press, 1994. – P. 1–34.
25. Stewart, C.L. Civil religion / C.L. Stewart // Encyclopedia of religion / Ed. by Lindsay Jones. – 2nd ed. – USA: Thomson Gale, 2005. – P. 1812–1817.
26. Yang, Fenggang. Confucianism as civil religion / Yang Fenggang // Confucianism, a habit of the heart / Ed. by Philip J. Ivanhoe, Sungmoon Kim. – USA: State University Press of New York, 2016. – P. 25–46.
27. Ду, Вэймин. Конфуцианская религия / Ду Вэймин. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2008. – 155 с. (杜维明. 儒教. 上海: 上海古籍出版社, 2008. 155页).
28. Ли, Шэнь. К вопросам о конфуцианской религии / Ли Шэнь // Сборник дискуссионных статей по проблеме конфуцианской религии / Под ред. Жэнь Цзюйюй. – Пекин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 2000а. – С. 333–349 (李申. 关于儒教的几个问题 // 儒教问题争论集 / 任继愈主编. 北京: 宗教文化出版社, 2000. 页333–349).
29. Ли, Шэнь. Конфуцианская религия, конфуцианское учение и конфуцианцы / Ли Шэнь // Сборник дискуссионных статей по проблеме конфуцианской религии / Под ред. Жэнь Цзюйюй. – Пекин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 2000б. – С. 385–399 (李申. 儒教、儒学和儒者 // 儒教问题争论集 / 任继愈主编. 北京: 宗教文化出版社, 2000. 页385–399).
30. Новые тенденции в практике и теории национальных религий / Под ред. Ван Хуайчао. – Пекин: Чжунгун чжунянь дансяо чубаньшэ, 2013. – 396 с. (新形势下的民族宗教理论与实践 / 王怀超等著. 北京: 中共中央党校出版社, 2013. 396页).
31. Чэнь, Мин. Культурное конфуцианство: размышления и споры / Чэнь Мин. – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2009. – 214 с. (陈明. 文化儒学: 思辨与论辩. 成都: 四川人民出版社, 2009年. 214 页).

Текст поступил в редакцию 22.04.2019.

¹ Подробнее о развитии концепции «гражданской религии» см.: [Касаткин, 2016].

² Общий для всего американского гражданского общества Бог связан со спасением и любовью, свободой и равноправием, порядком и законом, он участвует в истории и особенно озабочен Америкой. «Всемогущий, чьё благословение может освятить свободу и счастье народа Соединённых Штатов..., мог бы обеспечить любой механизм, используемый администрацией, для осуществления задач, возложенных на него». В рамках этих и других посылов складывается идея «богоизбранности американской нации», действительно, отождествление Америки с Израилем не так уж редки [Задорожнюк, 2008, 62–73].

³ Хотя конфуцианство не является официальной религией, тем не менее на официальном уровне признано, что по своей просветительской роли оно выполняло социальные функции религии [Новые тенденции, 2013, 136].

⁴ Идея сверхгуманизма как религиозной духовности развита в работах Тан Цзюньи, современного зарубежного конфуцианца. Подробнее см.: [Забяко, Хаймурзина, 2014].

⁵ По мнению Ду Вэймина, китайское общество почти 100 лет находится в стадии духовного кризиса, сюда он относит события периода 4 мая 1919 г. как кульминацию антитрадиционалистического «Движения за новую культуру», а также курс на вестернизацию (или модернизацию) Китая после 1976 г., предусловием которого была кампания против правых элементов (1957–1958 гг.), «Большой скачок» (1958–1960 гг.) и «культурная революция» (1966–1976 гг.) [Tu Weiming, 1994, 29].

⁶ Подробнее о проблемах возрождения конфуцианства в форме государственной религии Китая и перспективах формирования гражданской религии также см.: [Хаймурзина, 2019а, Хаймурзина, 2019б].

References

1. Bella R. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of The Russian Christian Academy for Humanities]. St. Petersburg, 2014, vol. 15, no. 3, pp.162–182 (in Russian).

2. Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore ili printsipy politicheskogo prava* [About the social contract or the principles of political right]. Moscow: Sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1938, 121 p. (in Russian).
3. Zabyako A.P., Khaymurzina M.A. *Problemy Dalnego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. Moscow, 2014, no. 1, pp. 124–133 (in Russian).
4. Zadorozhniuk I.E. *Voprosy filosofii* [Question of Philosophy]. Moscow, 2008, no. 3, pp. 62–73 (in Russian).
5. Zabyako A.P. *Problema demarkatsii nauki i teologii: sovremennyy vzglyad* [The Problem of Demarcation of Science and Theology: Modern View]. Ed. I.T. Kasavin, etc. Moscow: IF RAN, 2008, pp. 126–143 (in Russian).
6. Zadorozhniuk I.E. *Grazhdanskaia religiia v SShA, ili vera v Ameriku: sotsialnye funktsii, istoriia i sovremennost* [Civil religion in the United States, or faith in America: social functions, history and modernity]. Moscow: SGA CTA, 2007, 353 p. (in Russian).
7. Zadorozhniuk I.E. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Moscow, 2007, no. 9, pp. 150–155 (in Russian).
8. Kasatkin P. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends]. Moscow, 2016, vol. 14, no. 3, pp. 81–95 (in Russian).
9. Lebon G. *Psikhologiya mass* [Mass Psychology]. St. Petersburg: Piter, 2018, 252 p. (in Russian).
10. Kozlova I.L. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2018, no. 1, pp. 103–117.
11. Legoida V. *Grazhdanskaia religiia: pro et contra* [Civil religion: pro et contra]. Available at: http://www religare.ru/2_1555.html (accessed on September 10, 2015) (in Russian).
12. Martynov A.S. *Dukhovnaia kultura Kitaia* [Spiritual culture of China. Encyclopedia]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2009, vol. 4, pp. 136–140 (in Russian).
13. Perelomov L.S. *Dukhovnaia kultura Kitaia* [Spiritual culture of China. Encyclopedia]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2009, vol. 4, pp. 209–216 (in Russian).
14. Perelomov L.S. *Dukhovnaia kultura Kitaia* [Spiritual culture of China. Encyclopedia]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2009, vol. 4, pp. 110–135 (in Russian).
15. *Religiia i obshchestvo: khrestomatiia po sotsiologii religii* [Religion and society: a textbook on the sociology of religion]. Moscow: Aspekt Press, 1996, 773 p. (in Russian).
16. *Rossiiia-Kitai-2050: strategiia sorazvitiia* [Russia-China-2050: co-development strategy]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, 2006, 652 p. (in Russian).
17. Tkachenko G.A. *Dukhovnaia kultura Kitaia* [Spiritual culture of China. Encyclopedia]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2006, vol. 1, pp. 130–133 (in Russian).
18. Khaymurzina M.A. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2017, no. 1, pp. 49–55 (in Russian).
19. Khaymurzina M.A. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i uridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice]. Tambov: Gramota, 2013, no. 11, pp. 194–196 (in Russian).
20. Khaymurzina M.A. *Problemy Dalnego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. Moscow, 2019a, no. 3, pp. 168–177 (in Russian).
21. Khaymurzina M.A. *Rossiiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva. Materialy deviatoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: history and prospect of cooperation. Proc. of the Ninth International scientific-practical conference]. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2019b, no. 9, part 6, pp. 141–147 (in Russian).
22. Billioud S. The revival of Confucianism in the sphere of mores and the reactivation of the civil religion debate in *China in Confucianism, a habit of the heart*. Ed. by Philip J. Ivanhoe, Sungmoon Kim. USA: State University Press of New York, 2016, pp. 47–70.
23. Tu Weiming. *Centrality and commonality: an essay on Confucian religiousness*. State University press of New York Press, 1989, 165 p.
24. Tu Weiming. *The living tree: the changing meaning of being Chinese today*. Ed. by Tu Weiming. Stanford University Press, 1994, pp. 1–34.
25. Stewart C.L. *Civil religion in Encyclopedia of religion*. Ed. by Lindsay Jones. 2nd ed. USA: Thomson Gale, 2005, pp. 1812–1817.
26. Yang Fenggang. *Confucianism, a habit of the heart*. Ed. by Philip J. Ivanhoe, Sungmoon Kim. USA: State University Press of New York, 2016, pp. 25–46.
27. Du Weiming. *Confucian religion*. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2008, 155 p. (in Chinese).
28. Li Shen. *Collection of discussion articles on the problem of Confucian religion*. Beijing: Zhongjiao wenhua chubanshe, 2000, pp. 333–349 (in Chinese).
29. Li Shen. *Collection of discussion articles on the problem of Confucian religion*. Beijing: Zhongjiao wenhua chubanshe, 2000, pp. 385–399 (in Chinese).
30. *New tendencies in national religions. Practice and theory*. Beijing: Zhonggong zhongyang dangxiao chubanshe, 2013, 396 p. (in Chinese).
31. Chen Ming. *Cultural Confucianism: reflections and debates*. Chengdu: Sichuan renmin chubanshe, 2009, 214 p. (in Chinese).

Submitted for publication on April 22, 2019.